

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 81'282.2, 81'42
doi: 10.17223/19986645/91/1

Концептуализация искусственного ландшафта в речи сибирских старожилов: огород (на материале речи сельских жителей Томской области)

Светлана Владимировна Волошина¹, Татьяна Алексеевна Демешкина²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *vsv1304@yandex.ru*

² *demeta@rambler.ru*

Аннотация. Рассматривается функционирование концепта «Огород» в устных рассказах жителей сёл Томской области. Выделяются репрезентанты концепта, осуществляется его послойное описание. Определено, что огород – это не только пространство для выращивания овощей и источник жизнеобеспечения, но и место, требующее ухода, служащее маркером трудолюбия, идентичности, инструментом формирования социальных связей, являющееся объектом суеверий. Образные интерпретации свидетельствуют о восприятии огорода как живого существа.

Ключевые слова: огород, культурно-языковой ландшафт, концепт, Томская область

Благодарности: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Волошина С.В., Демешкина Т.А. Концептуализация искусственного ландшафта в речи сибирских старожилов: огород (на материале речи сельских жителей Томской области) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 5–21. doi: 10.17223/19986645/91/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/1

Conceptualization of an artificial landscape in Siberian old-timers' speech: *Ogorod* (based on the speech of Tomsk Oblast rural residents)

Svetlana V. Voloshina¹, Tatiana A. Demeshkina²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *vsv1304@yandex.ru*

² *demeta@rambler.ru*

Abstract. The aim of the article is to analyze the representation of the concept “ogorod” [vegetable garden] based on the speech of residents of villages in Tomsk Oblast.

The research material is oral stories of rural residents of Tomsk Oblast born at the end of the 19th–20th centuries. The main source of the material is audio recordings of speech made in dialectological expeditions from the 1940s to July 2024, then decoded and partially placed in the Tomsk Dialect Corpus. Illustrative material from dialect dictionaries and audio recordings from the authors' personal archive are also used in the research. The novelty of the proposed analysis lies in its inclusion in the general problem of describing the cultural and linguistic landscape of Siberia as a region with cross-border characteristics. The concept “vegetable garden” is one of the key concepts of rural culture, which determines the relevance of its study. A concept is a unit of consciousness that is represented by means of language units and reflects the peculiarities of culture. The method of analysis is based on the description of conceptual, figurative and axiological layers in the concept structure. The methodology of the conceptual metaphor theory is also used in the description of the figurative layer. To nominate a vegetable garden in the speech of rural residents of Tomsk Oblast, the lexical unit of the same name and its dialect variants *igorod*, *gorod*, as well as the forms of subjective assessment formed from them *ogorodishche*, *ogorodchik*, *ogorodishko*, *igorodishko* are used. The concept is also verbalized with derivative words: *ogorodnik*, *ogorodnitsa*, *gardening* / *igorodnichestvo*, *gardening*; *gardening*, etc. A vegetable garden as a plot of land for growing vegetables, berries, etc. is presented in the speech practices of rural residents as a space requiring care, labor; as a marker of hard work, acting as a tool for forming social ties; as an indicator of local, age, gender identity; as an object of real estate; as an object of superstition, signs. The figurative layer of the concept is represented by a few units, lexemes can form a target sphere and a source sphere. The vegetable garden and everything growing in it is presented as a living being. In the “human being” sphere, linguistic units with the semantics of a vegetable garden mainly describe appearance, actions, social and personal relationships. The axiological layer actualizes the understanding of the vegetable garden by rural residents as having a utility value: as a source of food for the family and livestock, as a source of income. As an aesthetic value, a source of love and joy, the vegetable garden is represented in a few statements. The analysis showed that, in the perception of rural residents, the vegetable garden is one of the main elements of the house, representing a value-based part of human life, a source of vital activity and life support for the family.

Keywords: vegetable garden, cultural and linguistic landscape, concept, Tomsk Oblast

Acknowledgements: The results of the study were obtained under the state assignment of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2024) Conceptualization of an artificial landscape in Siberian old-timers' speech: *Ogorod* (based on the speech of Tomsk Oblast rural residents). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/1

Концептуализация пространства в речи сельских жителей, в том числе сибирских старожилов, не раз становилась объектом лингвистических исследований [1–5]. Среди объектов изучения в основном естественно сформированные ландшафты. В данной работе обратимся к описанию концептуализации искусственно созданного и возделываемого пространства.

Цель статьи – анализ репрезентации концепта «Огород» на материале речи жителей сёл Томской области.

Материал исследования – устные рассказы (воспоминания, автобиографические, бытовые рассказы и т.п.) сельских жителей Томской области, рождённых в конце XIX–XX в. Основным источником материала являются аудиозаписи речи, сделанные сотрудниками и студентами филологического факультета Томского государственного университета в диалектологических экспедициях со второй половины 1940-х гг. по июль 2024 г., затем расшифрованные и частично размещённые в Томском диалектном корпусе [6], в котором представлено 4 260 текстов и только один из многочисленных репрезентантов концепта – лексема *огород* – встречается 1 492 раза, а тематическая разметка корпуса показывает, что в нём 1 244 текста имеют фрагменты темы «Выращивание растений». В статье также используется иллюстративный материал ряда диалектных словарей [7–13], из которых было извлечено около 130 высказываний, включающих единицы, вербализующие концепт, а также аудиозаписи из личного архива авторов.

Интерес к анализу этого значимого фрагмента картины мира сельских жителей объясняется репрезентативностью речевого материала (частотностью встречающихся высказываний об огороде в речевой практике, тематической выделенностью) и значительными изменениями, произошедшими на протяжении последних десятилетий в этой отрасли сельского хозяйства и обозначаемыми информантами. Несмотря на это, концепт «Огород» на материале речи сельских жителей мало изучен, существуют исследования его функционирования в художественных произведениях [14], рассматриваются магические тексты, используемые в системе народного огородничества в восточнославянской традиции [15]; функционирование лексемы *огород* и ее дериватов в старожильческих говорах Среднего Прииртышья в ряду других слов с полногласными и неполногласными сочетаниями [16]; изучаются наименования приусадебных участков в диалектах Европейского Севера России [17]. Этнографы, работающие с полевым материалом, отмечают, что «огородничество остается одной из самых неизученных и незаслуженно исключенных из этнографических исследований земледельческих практик», хотя «этот вид сельскохозяйственной деятельности занимает приоритетные позиции в экономике жизнеобеспечения сельского населения, проживающего на территории практически всех регионов России» [18. С. 38].

Новизна предлагаемого анализа заключается во включенности его в общую проблематику описания культурно-языкового ландшафта Сибири как региона с трансграничными характеристиками. Многомерная картина взаимодействия людей, текстов, вещей складывается в том числе и из анализа концептов, имеющих различную природу. Как показал краткий обзор работ, приведенный выше, концепт «Огород» относится к числу ключевых концептов сельской культуры, что определяет актуальность его изучения.

Концепт в данной работе рассматривается как ментальная единица, репрезентируемая языковыми средствами. Концепты, по мнению Ю.С. Степанова, существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок»

представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [19. С. 43].

Методика анализа концепта «Огород» включает в аналитическое поле описание понятийного, образного и аксиологического слоёв [20]. В исследуемом материале отобраны контексты, содержащие лексему *огород* и единицы, которые являются компонентами представлений об огороде, анализируется сочетаемость этих лексем, мотивационные связи, их системные отношения (синонимия, полисемия, антонимия), анализируется семантика этих единиц и высказываний. Содержательная сторона концепта моделируется с помощью контекстуального анализа. При описании образного слоя концепта используется методология теории концептуальной метафоры. Единицами анализа выступают лексемы, фразеологизмы, высказывания, фрагменты текстов.

Понятийный слой концепта

Огород – это участок земли, обычно расположенный вблизи дома, жилья и обнесённый изгородью, где высаживаются овощи [21].

Для номинации огорода в речи сельских жителей Томской области используются одноименная лексическая единица и ее диалектные варианты *игоро'д*, *горо'д*, а также образованные от них формы субъективной оценки *огородище*, *огоро'дчик*, *огоро'дишко*, *игоро'дишко*: *Ко мне прибегают, то в огороде полют, то... я-то уже, большущий **огородище** вон какой* [6]. Понятия *огород* и *огоро'дчик* могут дифференцироваться и рассматриваться не только с точки зрения размера или значимости для информанта: *огородом* называют участок для выращивания картофеля, а *огородчиком* – место для выращивания других овощей и ягод: *Огород – это картофельный, а огородчик – это где овощи, но у нас тут больше цветник уже* (Красный Яр, Кож. р-н, 2024).

Вербализация концепта осуществляется также при помощи образованных от слова дериватов, называющих:

- человека, работающего в огороде: *огородник*, *огородница*;
- процесс выращивания растений, работу в огороде: *огородничество* / *игоро'дничество*, *огоро'дничество*;
- действия, связанные с работой в огороде: *огородничать*, *поогородничать*, *огородничествовать*: *Крестьянствовали, **огородничествовали**, сено возили, дрова* [7];
- огородные растения: *огоро'дина*, *огоро'днина*.

В сибирских говорах *огород* и *огородница* вступают в отношения полисемии: *огородом* также называют «ограду, забор, изгородь», а словом «огородница» обозначают парник для огурцов: *Огурцы изла'дишь, лунки, парники сделаешь, обогреватель, чтобы воспарение шло, огурешница, **огородница** называют* [7].

Лексема *огород* обладает широкой сочетаемостью и образует словосочетания на основе связей согласования и управления.

Среди признаков огорода в речи обычно отмечаются: его размер – *большой, большущий, маленький, огород: Горо'д у нас большой* [7]; его принадлежность: *свой/чужой огород: Но у меня вот есть подсолнухи, но кто-то их там срывает, а мы в другом срывали, так ещё. [Смеётся]. Это драйв такой, что нужно пролезть, по картошке, не помять. [Смеётся]. Ну вот так вот дети в чужом огороде всегда всё сладкое* (Мельниково, Шег. р-н, 2018) [6]. Указываются разнообразие и количество посаженных в огороде растений: *богатый огород: А там же огород богатый, большущий* [10], а также новые техники, способы выращивания: *интересный огород: У меня муж ушёл на пенсию, ему уже, вот щас он десять лет на пенсии уже. Выращивает картофель особенным способом <...> вот он посадил девяносто шесть или девяносто восемь картошечек [смеётся]. Ну можете представить? Это ведро. Да, вот. И на большом расстоянии, два метра друг от друга – ряд. Да, ну я, знаете, я, даже могу, еслив это, сфотографировать потом, сбросить, как это. Интересный огород, конечно* [6].

Лексема *огород* сочетается с глаголами, указывающими на цикличность, необходимость и последовательность сельскохозяйственных работ: *садить огород, насадить огород, спяхать огород, одабривать (удобрять) огород, поливать огород, попочистить огород, подбивать огород, убирать огород, выкопать огород, скончать огород: Сёдня они скончают этот огород* [7].

Необходимость охраны урожая от уничтожения его птицами фиксируется через устойчивое выражение *пугало / пужало огородное: Пугало огородное – пуга. Ставили в хлеб, нарядят чё-нибудь, все звали попугаем* [7]; *У капусты пугало ставили, чтоб птички не склевали. И стоит, как попугай. Шапчонку наденут, руки приде'лывают, одежонку* [6].

Огород рассматривается как пространство, разделенное на части, на котором находятся *грядки, теплицы (теплички), палисадник, колодец: Мы раньше в тем краю жили, колодец в огороде, посреди'не* [6]. Части огорода также получают номинации в зависимости от размещаемых в нем культур: *огуречница, огородница, капустник, цветник, картовище – то же, что картошечник, картошище (= место, с которого убран картофель)* [7], *овощник (= место, где растут овощи): В огороде, где овощи всякие растут – овощник называется* [7]. Работая человек в этих частях огорода также получает номинации: *парниководка (= женищина, выращивающая овощи в парниках); огуречник (= тот, кто ухаживает за огурцами): Кто ухаживает – огородник, огурешник* [7].

В вербализации концепта участвуют названия выращиваемых овощей, ягод, цветов и их сортов: *огурцы, картошка, лук, чеснок, помидоры, морковь, жимолость и др.: Тут четыре ведра картошки посадила, ага, капусты-ы-ы, ну, вся мелочь, всё, и помидорки, и всё у меня есть тут, в огоро'дчике, ага. Вот так, помале'ньку шевелюсь* [6]; *Жимолость... Вот этот вот «Бакчарский великан», с мизинец почти что. Редиска, цветная капуста, да. <...> Вот картофель. Вот смотрите! Вот такая <...> это была красная картошка, а щас мы белую садим «Адретту», «Тулеевскую». Очень хорошие сорта! (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.).*

Концепт объективируется при помощи слов, называющих инвентарь для работы в огороде: *загребал'лка, огребал'лка, грабли, подбивал'лка, подбивал'шка, сгребал'лка, тюка'вка, тя'пка, копач, лопата, литовка, поливал'льник, лейка, сы'пка*: **Копач** взяла да и пошла в огород [7]; В огороде **загребалки** остались [7].

Высказывания, включающие лексему *огород*, раскрывают представления сельских жителей об огороде, его значимости, признаках, связи с другими фрагментами мира.

Основное значение лексемы «огород» (участок земли, используемый для выращивания ягод и овощей, как источник питания, обеспечения жизнедеятельности семьи) реализуется во всех исследуемых текстах. Оно подвергается детализации в зависимости от аспектов деятельности человека и факторов, оказывающих влияние на работу в огороде. Рассмотрим признаки, актуализируемые в речи жителей сёл.

1. Огород – место, где необходимо работать.

Выращивание культур и урожай зависят от количества вложенных усилий: *Всё-всё садим. Всё нормально растёт, если походишь за ним* [6]; *Отсюда вот можете посмотреть весь мой огород, какая площадь. Ну то есть, в принципе... э-э, не заскучаешь. Работы много. Вот такой большой огород у меня. И все кусты, и яблони, всё, так что работы и летом мне хватает* [6], что также отражается в поговорке «не потопаешь – не полопаешь». Тяжелая работа в огороде номинируется экспрессивными глаголами *по'рхаться* (= возиться), *пластаться*, *шиманаться* (делать что-л. медленно, бестолково, непроизводительно), *копаться*: *Всё по'рхается с огородом* [7]; *В огороде пластаюсь* [10].

В речи информантов прослеживается связанность природной и религиозной сфер: *Ну, когда уж праздники, не поливали и не сажали. Этим уже... я сильно в праздники эти уже верую, как сказать, праздную* [6]; [Говорят же до Троицы нужно высадить всё, да? Вы так высаживаете тоже?] *Да!* [6]; *Я сейчас на даче работаю в огороде, бабушки идут в церковь и говорят: «Сегодня праздник», мол, типа, нельзя работать. Я думаю: «А когда – сто'ко праздников – когда мне тогда чё делать?» Ну... Дак бабушки пройдут в церковь, тогда я выхожу на огород, я тоже теперь хитрую* [6].

Зависимость эффективности ухода за огородом и работы в нём от природных явлений фиксируется в пословицах и поговорках: *Маленький дожди'шка, а лентяам отдышка* (= Если идёт дождь, не нужно поливать огород) [12. С. 69]; *Маленький дождь лу'че большого полива*. Одобр. О прошедшем дожде, избавляющем от необходимости полива огорода [12. С. 31].

2. Работа на огороде связана с природными циклами. Это прежде всего сезонная работа: *Теперь бы пожить, да старость одоля'т. Зиму отдыхаю, летом на огороде полю* (г. Колпашево, Колп. р-н, 1982 г.).

Рассказывая об огороде, информанты отмечают тесную связь выращивания культур с климатическими условиями: *Дождя на'доть, всё на огородах посохнет* [7]; *Сейчас малины нет, июль месяц и холодно. Ягоды нет, сахара нет. За тот год было столько малины, виктории; А нынче ещё зима такая*

была, непонятная. Весной ничё не лезет. Тут всё повывмерзло. У меня тут мята росла, мелисса вот [показывает], ну да чай заваривать – всё повывмерзло. Не знаю, какой урожай бу'ет (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.); Огород весь затопило, такая вода, но'нче у многих... а у нас тут низко. Весь огород, то'ка в заду маленько посадили, всё водой зали'ло. Всё водой зали'ло, ужас; А то как-то град был с воробы'но яйцо, да ещё по три слеплены, дак всё на огороде побило: и огурцы, и помидоришки прямо под корень, одни прутики голы остались [6].

В условиях сибирского климата, зоны рискованного земледелия огород также является экспериментальным участком, где пытаются вырастить новые сорта растений, морозоустойчивые культуры или культуры, редко растущие в Сибири: У меня по две-три штуки я сажу сорта, некоторые вот, допустим, «Розовый носик» я первый раз сажу, я не знаю, как они себя проявят, вот эти у меня «Бравый генерал» тоже крупноплодные, «Алтайский мёд» – жёлто-оранжевые, это «Самбол» – черноплодные помидоры, очень сладкие, это вот такие с виду хиленькие, но они только начинают. Короче, мужчина привез их из Тайланда, когда их подали на тарелке с салатом. Они маленькие растут, но они такие сладкие. Я слаще помидоры не ела. Вот как бы я сажу их всех две штуки (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2024 г.).

В своей деятельности сельские жители опираются на лунный календарь, согласно которому можно увеличить урожайность огородных культур и в котором указаны благоприятные дни для посадки растений: А мы раньше ничё не знали. Это щас в журналах написано, в какой день садить надо, а мы когда попало садили. Время подойдёт, и садили. Никаких приме'тов не верили. А щас чё-то там всё написано. **В какой-то день женской надо садить, да всё. В среду да в пятницу** [смеётся]. А мы, раньше даже я не слышала, это щас в журналах написано где-то. Так мы ничему и не верили, такие, да и верить-то, говорят, грех. Нельзя [6].

3. Огород выступает местом выстраивания социальных связей, отношений с родственниками, соседями и др.

Взаимодействие с детьми, внуками основывается на отношении к труду и помощи пожилым родителям. Информанты, как правило, отмечают, помогают ли им дети работать в огороде или нет: Избу купила. Вот и живу, дочь помогает, сын тоже. И сын со снохой приезжа'т помогать. Пошти' чуть не весь горо'д за день выкопали. А но'нче посадили сами. Я и тяпочки ни одной не тянула, всё дети делают, я то'ко исть готовлю [6]. Огород, таким образом, становится маркером трудолюбия / лени: Когда' Гена в городе, ещё служил, а потом пошёл у городе, ну, когда' работал там, на выходной приезжал, помогал и всё. Он так тоже работал, как я такая, как папа Карло. За два дня сорок соток огорода мы с ём оку'чаем, оку'чаем, ца'пками окучивали, не конями [6]; Дети, внуки – все в городе, никто нам не помогает, сами возимся в огороде (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.); Дети не помогают никого, горожу сама. А светы' никаки' не сажу', то'ко малина, смородина, ранетка, две яблони, виктория [6].

Огород и работа в нём являются своеобразным инструментом формирования отношения к человеку в сельском социуме. Люди, имеющие огород и не работающие в нём или плохо работающие, осуждаются: [Пьющая односельчанка пришла помогать В.П. копать огород.] *А е'то... видела, сколько копала, квадратик какой? То туды' хочет... тычется – пень колотить да день проводить. Ешо кого-то хотела прогребать мне, потти' там. От она бутылку выпила. Она вчара' выпила стопку, сёдня четыре – бутылку выпила* [12. С. 67]; *А бабёшка-то? Ох, ленива. Огород зарос* [8], *Вишь, молодые живут по это... Ну, у них ребёнок, годик ему исполнился. Ну, вот посадили пол-огорода, а эта стоит, ну хоть бы скосил бы или что, а вот эта трава так и... Так вот они не косят, обещали скосить, не косят... Я же не пойду, я, между прочим, от нашей границы, вот там маленько есть, я вот настолечко [показывает] вырвала у них траву. Вот в сторону того, вот там видно, где мои эти заканчиваются, вырвала* (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.); *Кто уж ленивый – в огороде трава росла* [10].

В конфликтных ситуациях огород может быть объектом зложеланий: *И так и Лида – обозлилась и прямо всё... «Чтобы, гыт, у вас ничё не было в огороде, ничё не родило'сь ба!»* [12. С. 83].

Огород выступает локусом социальных связей, которые возникают на основе обмена растениями, урожаем, техниками выращивания растений: *Вон здесь вот астры насадила, они у меня все пропадают <...> засыхают да и всё. <...> Растут-растут, ведь бо'льшиенькие уже выросли такие и засыхают. Я уж там других подсадила, у соседки взяла, не знаю, чё будет. Ну хоть маленько, может, зелень будет. Если не помрут* [6]. Огород становится объектом взаимодействия местных жителей и ссыльных, переселенцев: *На помидорах сучки' есть. Срыва'шь сучки'. У латыша научились* [6]; *Россе'я научила удобрять. В тое' герма'нску войну нагляделись. Наша земля не принима'т навозу. Сей рожь. Без перемишки. Не нужно назьму' на эту землю, хлеб будет высокий, то на землю ля'гет. Земля и без того жи'рна. За' городом нигде не назьми'ла* [6].

Урожай, выращенный в огороде, является объектом воровства: *А сейчас! На ходу воруют. Тут сгребут, там. У меня, у самой вот в позапрошлый год ведро луку украли* [6]. Интересным представляется, что объектами воровства являются не только выросшие овощи, плоды, но и рассада, саженцы, отростки, так как считается, что украденное растёт лучше.

4. Огород выступает как инструмент идентификации: возрастной, локальной, гендерной.

Информантами являются в большинстве своем пожилые люди, поэтому они часто сравнивают работу в огороде в настоящее время с работой в прошлом, во времена своего детства и молодости, а также себя и современную молодёжь. Как показывают примеры, пожилые люди воспринимают огород как ценность и осуждают молодых, не работающих в огороде, не помогающих родителям.

В рассказах отмечается наличие огорода и невозможность в нём работать в силу возраста и состояния здоровья: *стала падать в огороде, уже нет сил*

работать в огороде и т.п.: Я до восьмидесяти лет садила огород, пятнадцать соток огорода, а в восемьдесят **что-то стала уже в огороде па-дать** (с. Мельниково, Шег. р-н, 2020 г.); Вчера её сноха и говорит, в магазине хлеб брали, она и говорит: «Вы, баба Лида, не бегайте, а потихоньку ходите». А я вот, тут уж бегай не бегай – запнёшься... Я вот, напрямую, ну, это внук прокосил дорогу, щас ещё можно, ага, а то и шла, а они в огоро'дчике были. Я запнулась и упала, лежала-лежала, и [смеётся] прямо в крапиву, ага, а... А там, ты скажи, всё время ходила, ничё не вида'ла, а у меня нога попала как в петлю, ага, вот и... [смеётся] и лежала-лежала, ну, чувствую, сама ничё, подниматься надо. А она мне кричит, эта женищина: «По'мочь не надо?» Я говорю: «Да нет, потихо'ньку я сама здесь щас». Ой, господи, ноги-то, они, вроде хочешь побыстрее, а они уже всё, скорость-то уже ушла [6]; Я уже устала. Я жить устала. Чижало'. Такой возраст. Только вот прошлый год, два года где-то, ну, **но'нче третий год в огород не сажу**, а то и помогала садить и всё убирать, и помогала всё ишо' деть'м. А чича'с уж третий год я ничё не делаю [6]. Таким образом, огород является показателем благополучия и здоровья тех, кто его обрабатывает.

В рассказах об огороде отмечается, что он – неотъемлемая часть сельского быта, основа жизнедеятельности сельчан: [А у Вас нет огорода?] Почему нет? Есть. Без огорода нельзя. Надо луку и картошки. <...> Я только 6 ведер сажую. У меня малый он [6]; [Расскажите, а огород у Вас есть?] Огород? [Да] А вот там картошки есть, тут грядки. [Любите в огороде работать?] Аа, люблю-у! мне только работать и надо. Сено косить, скота держать, в огороде [6]; И вот представляете, я выхожу что-то делаю – вот такое чириканье... А там дальше вот щас за моим огородом там есть небольшое болотце: там и сороки, там и вороны, там и кукушки нынче, столько кукушек, и я нахожусь вот в этом, знаете вот... я не знаю, мне **так** хорошо! <...> Поэтому я **чисто деревенский житель** и вот землю, деревню никогда на город не променяю [6]. В «Русском ассоциативном словаре» слово *деревня* является реакцией на слово-стимул *огород* [22. С. 65], что также свидетельствует о тесной связи деревни, ее жителей и огорода в русском языковом сознании.

О гендерной дифференциации в «огородной» сфере свидетельствует наличие номинаций *огородник* и *огородница*: **Огородник** хорошо ухаживает за овощами, за картошками. О человеке говорят о таком: «Вот **огородник!**» [6]; И скороспелка была, и американка, и забыла ещё как-то, нарымка. А берлинка хороша была. Овощей было много. Это всё старик-огородник, латыш [6]; **Огородницей** была, и дед тоже. Сейчас на стройке сторожем [6]. Исследователи отмечают, что, например, в говорах Среднего Прииртышья в отличие от слова *огородница* не зафиксировано наименование человека (мужской род) *огородник* ‘человек, который возделывает огород, владелец огорода’, и делают предположение, что «в данном случае реализуется дифференциация женского / мужского труда» и наименование *огородница* отражает женскую участь ухаживать за огородом [16].

5. Огород как важная часть жизни сельских жителей является объектом примет и суеверий. Приметы связаны с наблюдениями сельчан за природой, погодой в разные времена года и, как правило, направлены на предсказание того, каким будет урожай: *Вот это пе'рва гроза нынче. Ну, опять видишь, по всему, если гроза есть, то значит урожай на всё: и на ягоды, и на хлеб, и на картошку – на всё есь урожай. Или когда Бог даёт грозу, это к хорошему, урожай хороший* [6]; *Куржак на новый год садится – урожай будет. Зимой куржаки на деревьях привива'ются. Куржаков нынче не было – урожай плохой* [6].

Суеверия представляют важный фрагмент картины мира огородников. Это практики, направленные на выращивание хорошего урожая, вера в то, что соблюдение определенных правил гарантированно уберезет растения «от сглаза»: *Когда начинаю сажать грядку, с левой стороны нож надо втыкать и говорить: не на зависть людям, а на радость. Я всегда говорю. Капусту садишь, чтоб была упругой. Всяко разное. Это бабушки наши, и вот я чё помню. А так вот нож надо обязательно втыкать на грядке. Чтобы не сглазили. Или даёшь кому потом, я потом раз и убираю. Я ножей столько теряю за лето. А потом он, Серёжа, раз и найдет где-то* (с. Красный Яр, Кож. р-н, 2024 г.). Подобные практики, как правило, востребованы при высаживании растений, при взаимодействии с соседями, что представляет огород как объект, требующий защиты. Исследователи также отмечают применение магических текстов в период посадки овощей: «Потребность в исполнении магического текста возникает в определенные семантически нагруженные переходные периоды. В рамках системы народного огородничества наиболее критическим является период посадки овощей – в этот момент происходит своеобразное программирование свойств овощей в будущем [15. С. 33–34].

6. В речевой практике отражаются факторы, препятствующие получению хорошего урожая, приносящие вред растениям. Борьба с вредителями – это еще один аспект деятельности, связанной с огородом. Вредителями являются сорные растения, различные насекомые, животные: *Мне-то ничё, я уж у огороде ходила, жуки смотрела, выбирала тут между траве. Жуки чёртовы, всё поели; Пойдёшь на игоро'д, все глаза объели, подбивала картошку* [6]; *...мокрица – есть трава и насекомые. Если завяжется на огороде, не отвяжешься. Мошки – мокрицы, маленькие, зелёные* [6]; *Раньше едешь – радуешься. А щас покручено червями-то. Раньше маленькими были, не понимали. Даже лук на огороде червь съеда'т. Скажешь раньше про червей – не верим, «щас по морде набью». Всё приходится прибегать, всё хлорово'стом обрызгивали, и всё не помога'т* [6]; *В огороде хомяк, медведо'к. Идёт под землёй, а земля аж подыма'тся* [6]; *Шестого, в город ездила шестого числа, а я шестого числа, это, купили отраву, от этих сорняков. Я брызгала, ну там, где ничего не растёт, по краям. Вот не знаю, получится чего, нет. Погибнут эти сорняки или нет. Ну, до этого уже травила, помогает* (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.); *Кода игуреиный год, много огурцов. Кода не огуречный год, их совсем мало, то их блошка съес, то роса, там, всё как привяжется* [8]; *Знаете, ещё есть вьюнок, весь огород наш*

затянул, мы ещё его «вьюнок», «берёзка» зовём, он цветёт такими розовыми колокольчиками [8].

Осложняют человеку работу в огороде кровососущие насекомые: *Я в огороде уж побывала, там всё мокрицей [трава сорная] позаволокло, ажно и борозды, а не то что уж говорить гряды. Борозда – так это промежду грядов межа маленька. Комары не мучают, хорошо, а то вчера аж курево пришлось жечь. Курево – это дымарь такой, сырых веток набрасаешь, чтоб дыму больше было* [6].

7. Огород представляет собой «свое», индивидуальное, частное пространство, в котором необходимо культивировать те или иные растения, работать «на себя», свою семью: [о военном времени] и противопоставляется общему пространству, воспринимаемому как чужое: *тут день и ночь с работой загиба'шься: и в колхозе, и в своём огороде, а ничего и не остаётся, не с чего суп варить, то'ка крапива и остаётся* [6].

Как освоенное пространство огород противопоставляется лесу, который также служит источником пропитания для сельских жителей: *Ну а про малину уж и говорить не было. Мы жили в Бушуево, в те годы не заведено было, чтобы на приусадебных участках какие-то разводить кусты, мы всегда ходили в лес на заготовку. Вот мне было 5 лет, 5 лет, и я уже ходила собирать малину в тайгу, там бушуевская тайга. И все вот собирались и всё, у меня такое лукошко было, и мы собирали то есть вот эту малину. Это мне 5, Мише было восемь, вот, как говорится, и мы, это была обязанность, чтобы мы ходили и собирали эту малину. Смородина там же росла, кислица. (с. Мельниково, Шег. р-н, 2018 г.); В лесу ягод полно. Ну черника, голубика, брусника, клюква, малина. А на огороде дак редко каки' са'дют [6]; Раньше в лес ездили по ягоду. Так отец поды'мет нас ра'ненько: «Ну, берите кузова', поедem по смородину, берите вёдры». А щас на огороде у меня и малина растёт. Мы её са'женками из Бакчара выписывали [6]. Огород, таким образом, представляется одновременно как искусственно созданный и как естественный ландшафт, в котором для растения создаются условия его естественной среды. По мнению А.К. Байбурина, «важной стороной функционирования системы «человек (социум) – природа» является деятельность по созданию искусственной (культурной) среды обитания (поселение, дом, орудия труда, утварь и т. п.). Особенность такой деятельности состоит в том, что она предполагает активное взаимодействие со сферой «природы» в ее наиболее привычном аспекте – с естественным окружением человека» [23. С. 153]. Это взаимодействие имеет утилитарные цели и направлено на поддержание уже существующей системы жизнеобеспечения [23].*

8. Огород является объектом недвижимости, который можно продать / купить, подарить и т.д.: *Я захотела продать [огород]. А Серёжа как раз ча'стну квартиру снимал. «Баба, я лучше буду строиться, не продавай. Ну, вот, я 15 соток разделила пополам и подарила внуку с внучкой* (с. Мельниково, Шег. р-н, 2020 г.).

9. Огород выступает ориентиром для человека в окружающем пространстве: *У меня вон, через огород магазин* [6]; *А там дальше вот щас за моим*

огородом там есть небольшое болотце: там и сороки, там и вороны, там и кукушки нынче [6].

Таким образом, концепт «Огород» имеет большое количество репрезентантов, что свидетельствует о его ценностной отмеченности. Огород как участок земли для выращивания овощей, ягод и др. в речевых практиках сельских жителей представлен как пространство: а) требующее ухода, заботы; б) служащее маркером трудолюбия, в) выступающее инструментом формирования социальных связей и показателем локальной, возрастной, гендерной идентичности; г) являющееся объектом недвижимости и объектом суеверий и примет.

Образный слой концепта актуализируется образными единицами и сравнениями. Единицы тематической группы «огород» формируют сферу-мишень и сферу-источник.

Огород как источник питания номинируется одушевленным существительным *кормилец*:

Огород мой – мой кормилец (с. Красный Яр, Кож. р-н, 2024 г.). Этот же смысл репрезентируется глагольным словосочетанием *кормиться огородом*: *Так вот и сейчас огородчик содим, копошимся там, своим **огородчиком кормимся**, по людям не ходим, не просим, хотя уже старенькие, но всё для себя своими руками делаем* [6]. Огород для сельских жителей является живым существом, нуждающимся в отдыхе: *Но тут, в основном, конечно, пенсионерам тут хорошо. Огороды большие, хозяйство можно держать, всё-таки сено можно и купить, и самим накосить*. [И у вас огород, он тоже большой, да?] *Да. Ну мы где-то третью часть огорода используем, остальное так у нас отдыхает*.

Как живое существо представляются растения, растущие в огороде. Например, высказывание *головой не выйти* используется применительно к ситуации, когда не взойшли посаженные растения: *Свёкла головой не вышла* [7], ягодные кусты, овощи называются *сильными*, если удалось собрать богатый урожай: *Там вот на этих кустах я обобрала, а эти прям сильные, сильные помидорки. Знаете, только пошли завязи, четыре ведра я собрала крупных <...>* (Красный Яр, Кож. р-н, 2024); *Смородина си'льна, си'льна* [7].

Устойчивые сочетания с лексемой *огород* и ее мотиватами формируют сферу-мишень. С их помощью описываются разные сферы человеческой жизни, как правило с отрицательной оценкой: характеристика человека через его манеру одеваться (*пугало огородное: А я сегодня несла этот старый не помню, в каком году, нае'рно, в восьмидесятом году плащ покупала. Надела его и грю: «Нормально», а если щас старуха оденется в современное, как пугало на огороде стоит. Ну всему своё время, правда? Ну пугало и пугало на огороде* [6]), выражение негативного отношения к действиям человека, которые оцениваются как нерезультативные (*городить огород*) или деструктивные (*камень в чей-то огород*); описывается сфера личных отношений: лексема *огород* может использоваться в паремийном высказывании *плохо огород загорожен (загороженный), да (но, и то) овечки не едят*, используемом для метафорического обозначения наличия супружеской пары,

в представлении сельских жителей предпочтительным считается наличие даже плохого мужа, чем его отсутствие [24]: *Ну хоть плохо огород загорожен, но овечки не лезут туды', и не едят – раз загороженный. Так и так: худой, да мужичонка* [12].

Вместе с тем встречаются и метафорические высказывания, которые номинируют работу в огороде, усердный труд: *сидеть на грядках* (= заниматься огородничеством): *Ну, всё время полола, на грядках сидела, всё делала ей, снохе-то* [13]; *вечная огородница* (= постоянная, постоянно работающая) [13].

Метафоризации подвергается форма огорода: *Нету так удобного места. Был бы так огород ровненький – где-то посадил бы [ягоду]. Как чашка [огород]. Ска'тываются с этого боку и суды* [13. С. 206]. Актуализируется модель «природная реалья-артефакт».

Огородом также могут называть выращиваемые на подоконнике культуры: *огород на подоконнике* (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2024 г.).

Подводя итог, отметим, что образный слой концепта представлен немногочисленными единицами, лексемы могут формировать сферу мишень и сферу-источник. Огород и все растущее в нем представляется как живое существо. С помощью языковых единиц с семантикой «огород» описывается преимущественно сфера «человек»: его внешность, действия, социальные и личностные отношения. Приведенные примеры показывают, что и в том и в другом случае огород воспринимается как живое существо.

Ценностный слой концепта

Огород рассматривается сельскими жителями в первую очередь как утилитарная ценность.

1. Огород служит источником питания семьи и скота: *И всё было, и скотина, и всё, но на картошку как-то мы не обращали сильно внимания, посадим – посадим, потому что у нас, нам надо было этой картошки: сами кушали и коров, там, всю скотину кормили* [6]; *Если б не огород, я бы и не знаю, что делала* (с. Мельниково, Шег. р-н, 2023 г.); *У нас огород был, вот, начиная как садим один участок, был шестьдесят семь соток. <...> Мы копали картошку почти месяц. <...> Ну, потому что картофель-то шёл ещё помимо, это <...> Помимо того, что мы сами, это, естественно, же немного шло на пропитание, в основном это шло скотине* [6].

Для вынужденных переселенцев в Сибирь огород становится способом адаптации: *ну, тем не менее, стало уже легче жить, уже был свой огород, вот* [6].

2. Возделывание огорода – это наиболее значимый вид деятельности, ему отдается предпочтение перед любой другой деятельностью и времяпровождением: *Дети вот щас звали, в Геленджик поехали, мне некогда нынче: у меня тут ребятишки маленькие – щенки, ну и огород, соответственно* (с. Старая Ювала, Кож. р-н, 2023 г.); *Вот торты' начала делать два года назад. Села, подседа – понимаете, такая вещь, девочки! Это ж вообще красота.... Просто раньше у меня времени не хватало: скотина, дом, огород, работа* [6].

3. Огород как источник дохода: *Вот и живу, дочь помогает, сын тоже. И сын со снохой приезжат помогать. Пошли чуть не весь горо'д за день выкопали. А но'нче посадили сами. Я и тыпочки ни одной не тяпнула, всё дети делают, я то'ко исть готовлю. Этот горо'д со'дим дак на всех. А мене куды его. А они и платья ку'пют, и обувь ку'пют, и деньги дадут* [6].

Как эстетическая ценность, источник любви и радости огород представлен в немногочисленных высказываниях: *Вот это мои яблоки, тыква, одна тыква тридцать три килограмм. Вот это на этом... такая смородина, это такие помидоры, да. Виктория. Вот такой сад... У меня это тюльпаны. Это вот в саду, это, вернее, в моём огороде: вот тюльпаны, вот такие перцы, триста пятьдесят грамм, я их ещё взвешиваю [смеётся]. Ну люблю я это!* [6].

Приведенные контексты, репрезентирующие все рассмотренные слои концепта, показывают трансформации в ведении данного вида сельскохозяйственной деятельности.

Прежде всего, изменения коснулись размера огородов, которые раньше были большими, и в настоящее время хозяева засаживают только часть огорода: *Огород большой у нас был, картошки садили много. Нихто' шесь соток эти не мерил, сади сколь хочешь, корчуй и сади* [6]; *У нас огород был, вот, начиная как садим один участок, был шестьдесят семь соток. <...> Мы копали картошку почти месяц* [6].

В связи с доступностью продуктов в магазинах изменяется роль огорода в жизни человека. Как правило, младшее поколение уже не рассматривает огород как единственный кормилец семьи: *А то где-то чё-то не сделано, мне надо сделать, я терпенья не хватает, а я сама не могу, а им некогда. А я переживаю, и ночи не сплю и не ем и ничё, на меня кричат ребятишки: «Зачем эта тебе картошка?». Нынче много картошки в погребе, осталась, а куда её теперь. Скоро свежая будет, а та осталась. Я говорю, раздавай, внушек, раздавай людя'м, он так раздаёт. Ну всё равно потом надо выгребать. картошка такая хорошая, красная, от какой-то этот сорт красный. Развалится, такая вкусная. Всю выбрасывать будем* [6].

Таким образом, анализ показал, что в восприятии сельских жителей огород является неотъемлемым элементом дома, представляющим значимую, ценностно обусловленную часть жизни человека, источник жизнедеятельности и жизнеобеспечения семьи. Послойное описание концепта позволило выявить в речи жителей Томской области ряд дополнительных признаков по сравнению с лексикографической фиксацией, показывающих, что огород – это пространство, созданное человеком и требующее ухода, заботы, усердного труда, служащее маркером трудолюбия и идентичности, выступающее инструментом формирования социальных связей, объектом недвижимости и объектом суеверий, примет; воспринимаемое как живое существо.

Список источников

1. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.

2. Инютина Л.А. Развитие пространственных лексико-семантических парадигм в вокабуляре русского старожильческого говора Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 19–22.
3. Демешкина Т.А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «болото») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.
4. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер [и др.]. Томск : UFO-Plu, 2007. 384 с.
5. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Лес» (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 60–76.
6. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. Томск, 2024. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 03.03.2024).
7. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. 1964–1983. URL: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary> (дата обращения: 05.03.2024).
8. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
9. Полный словарь диалектной языковой личности. Т. 1: А–З. / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 358 с.
10. Словарь синонимов сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.Э. Гавар, М.А. Толстова ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2016. 456 с.
11. Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
12. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожил. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 132 с.
13. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 312 с.
14. Башкова И.В. Концепт «Огород» в повести В.П. Астафьева «Ода русскому огороду» // IV Астафьевские чтения в г. Красноярске. Национальное и региональное в русском языке и литературе : материалы Всероссийской конференции, Красноярск, 12–13 сентября 2006 г. Красноярск, 2007. С. 188–189.
15. Савина Н.А. Вербальная магия народного огородничества в восточнославянской традиции // Живая старина. 2015. № 4 (88). С. 33–36.
16. Игнатенко С.А., Харламова М.А. Лексика с полногласными / неполногласными сочетаниями в старожильческих говорах Среднего Прииртышья (на примере слов с праславянской основой *gord) // Филологический ежегодник. Омск, 1999. С. 115–119.
17. Теуш О.А. Наименования приусадебных участков в диалектах Европейского Севера России // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 6. С. 74–86.
18. Самойлова Е.В. Этнография огородничества: по публикациям конца XIX в. и современным полевым материалам, собранным в Вологодской, Костромской, Ленинградской и Архангельской областях (2005–2014 гг.) // Родники культуры: материалы научн.-практ. конф., с. Тарногский Городок, 12–13 июля 2014 г. Вологда, 2014. С. 38–57.
19. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
20. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
21. Большой универсальный словарь русского языка : ок. 30 000 наиболее употребительных слов / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая ; под ред. В.В. Морковкина. М. : АСТ-ПРЕСС школа, 2018. 1451 с. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=огород&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=огород&mode=slovari&dicts[]=48) (дата обращения: 15.04.2024).

22. *Русский ассоциативный словарь*. Кн. 2: Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 2 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Соколин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М. : ИРЯ РАН, 1996. 324 с.

23. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 237 с.

24. *Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В.* Муж и жена как константы традиционной народной культуры в речи диалектной языковой личности // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. № 12. С. 272–284.

References

1. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept “Siberia” in the autobiographical stories of Tomsk peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/47/2

2. Inyutina, L.A. (2012) Development of spatial lexical-semantic paradigms in the vocabulary of the Russian old-timer dialect of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 355. pp. 19–22. (In Russian).

3. Demeshkina, T.A. (2019) *The World of Nature in the Mirror of the Dialect* (A Case Study of the Concept “Swamp”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. pp. 85–103. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/65/4

4. Poryadina, R.N. et al. (2007) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial models in language and text]. Tomsk: UFO-Plu.

5. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2020) Representation of the concept “Forest” (based on dialect speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 60–76. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/65/4

6. Laboratory of General and Siberian Lexicography of Tomsk State University. (2024) *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (Accessed: 03.03.2024).

7. Laboratory of General and Siberian Lexicography of Tomsk State University. (1964–1983) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the Ob River basin]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary> (Accessed: 05.03.2024).

8. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.

9. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of Dialectal Language Personality]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

10. Blinova, O.I. (ed.) (2016) *Slovar' sinonimov sibirskogo govora* [Dictionary of Synonyms of the Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

11. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

12. Ivantsova, E.V. (2016) *Idiolektnyy slovar' pretsedentnykh tekstov sibirskogo starozhila* [Idiolect Dictionary of Precedent Texts of a Siberian Old-Timer]. Tomsk: Tomsk State University.

13. Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of Folk Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Bashkova, I.V. (2007) [The concept “Ogorod” in V.P. Astafiev’s story “Ode to the Russian Vegetable Garden”]. *IV Astaf'evskie chteniya v g. Krasnoyarske. Natsional'noe i regional'noe v russkom yazyke i literature* [IV Astafiev Readings in Krasnoyarsk. National and Regional in Russian Language and Literature]. Conference Proceedings. Krasnoyarsk. 12–13 September 2006. Krasnoyarsk. pp. 188–189. (In Russian).

15. Savina, N.A. (2015) Verbal'naya magiya narodnogo ogorodnichestva v vostochno-slavyanskoy traditsii [Verbal Magic of Folk Gardening in the East Slavic Tradition]. *Zhivaya starina*. 4 (88). pp. 33–36.
16. Ignatenko, S.A. & Kharlamova, M.A. (1999) Leksika s polnoglasnymi / nepolnoglasnymi sochetaniyami v starozhil'cheskikh govorakh Srednego Priirtysh'ya (na primere slov s praslavyanskoy osnovoy *gord) [Vocabulary with full-vowel/non-full-vowel combinations in old-timer dialects of the Middle Irtysh region (based on words with the Proto-Slavic stem *gord)]. In: *Filologicheskij ezhegodnik* [Philological yearbook]. Omsk. pp. 115–119.
17. Teush, O.A. (2015) Naimenovaniya priusadebnykh uchastkov v dialektakh Evropeyskogo Severa Rossii [Names of household plots in the dialects of the European North of Russia]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. 6. pp. 74–86.
18. Samoylova, E.V. (2014) [Ethnography of gardening: based on publications from the late 19th century and modern field materials collected in Vologda, Kostroma, Leningrad, and Arkhangelsk Oblasts (2005–2014)]. *Rodniki kul'tury* [Springs of Culture]. Conference Proceedings. Tarnogskiy Gorodok. 12–13 July 2014. Vologda. pp. 38–57.
19. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii projekt.
20. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.
21. Morkovkin, V.V. (ed.) (2018) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka: ok. 30 000 naibolee upotrebitel'nykh slov* [Large Universal Dictionary of the Russian Language: approx. 30,000 Most Common Words]. Moscow: AST-PRESS shkola. [Online] Available from: [https://gramota.ru/poisk?query=ogorod&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=ogorod&mode=slovari&dicts[]=48) (Accessed: 15.04.2024).
22. Karaulov, Yu.N. et al. (1996) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Book 2. Part 2. Moscow: IRL RAS.
23. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture: strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture: structural and semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg.
24. Gyngazova, L.G. & Ivantsova, E.V. (2017) Muzh i zhena kak konstanty traditsionnoy narodnoy kul'tury v rechi dialektnoy yazykovoy lichnosti [Husband and wife as constants of traditional folk culture in the speech of a dialectal language personality]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 12. pp. 272–284.

Информация об авторах:

Волошина С.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Демешкина Т.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: demeta@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Voloshina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

T.A. Demeshkina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2024;
одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 06.04.2024;
approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.